

P.A. T s k h a d a y a. The History and Structure of the Kolkh (Zan) Surnames: Preliminary Research

The process of surname introduction into the Kartvelian societies (both Georgian, with an alphabet, and analphabetic Svan and Zan) had been simultaneous and had been concluded by the XIth c. The sources dating from the XIIth c. already contained three-member anthroponyms, consisting of the first personal name, patronym, and surname. The model had been at the time quite widespread and had been used by all population strata. Only in Kolkh and Western Georgian epigraphic and church documents of the XI–XVIIIth cc. there were references to peasants without patronyms.

The earliest epigraphic mention of a Kolkh surname dates back to the first half of the XIth c. The Kartvelian languages have a common system of surnames, with distinctions based on local and regional dialectal suffixes and suffixoids, especially the endings of surnames, which in Georgian surnames initially referred to the origin or ownership of its bearer (*-el, -ul, -ur*), or paternity (*-dze, -shvili*). Only Svan and Megrelian surnames have a specific derivative suffix *-an*. For Megrelian surnames a typical specific derivative suffix is *-a*.

In 1995 there were four million people with Kartvelian surnames in Georgia; almost 20 per cent of them (780,000) had Kolkh endings. Out of 1300 surnames with Kolkh endings in Megrelia and Tbilisi, 1240 have *-ia, -va, -ua* final suffixes; the rest have *-skiri, -skua, -here* endings (meaning a child, a son, a descendant) joined to the eponyme's genitive. The Megrelian and Laz dialects of the Zan language were split during the VIIth and VIIIth cc., but the formation of surnames had been completed before the separation and the surname systems of the Lazs and the Megrelians evolved later in the same direction.

© 2002 г., ЭО, № 3

Г.В. Ц у л а я

АНТРОПОНИМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ (НА КАВКАЗСКОМ МАТЕРИАЛЕ)

В.А. Никонов свою известную работу «Личное имя – социальный знак» заключает предостережением от упрощения этой идеи и добавляет, что «антропоним социален исторически, а в самом имени не заложено ничего предопределяющего социальную роль его»¹.

На наш взгляд, это высказано достаточно категорично. Прозвищное имя Ивана IV Васильевича – Грозный – было предопределено исторически обусловленной «социальной ролью» его носителя. Впоследствии оно не онимизировалось из-за отсутствия культурно-политической базы. А имя Иван декультурировалось не под влиянием его грозного носителя, но после смерти шлиссельбургского узника Ивана VI Антоновича, убиенного в угоду Екатерине II (1764) и ею дискредитированного. Примерно также получилось с дискредитацией имени Петр, связанного с одиозной фигурой Петра III, убитого по той же причине (1762).

В Грузии в прозвищное имя абхазского (апсарского) происхождения Георгия IV – Лаша – (ум. 1223 г.) изначально заложена определяющая его социально-культурная роль как провозвестника евангельского учения среди апсарских (древнеабхазских) племен. Данное прозвище – «Просветитель вселенной» – практически не получило онимизации и было вызвано к жизни в качестве личного имени книжным путем лишь в эпоху дальнейшей активизации культурной жизни в Грузии с начала 1930-х годов. В данном случае этот антропоним выступает в качестве не социального знака (в его точном смысле), а исключительно знака культурного. Поэтому мы приходим к выводу, что имя – это не просто «социальный знак», а многозначный показатель исторического развития: и социального, и в не меньшей мере культурного, и конфес-

сионального, и результат межэтнических связей (как правило, мирных, ибо имена враждебного общества всегда одиозны и их не заимствуют). Культурная основа грузинского именика весьма очевидна: у грузин, более чем у других народов, было в обычае пользоваться книжными именами, теми, что в современной антропонимике называются «литературными антропонимами»². На эту особенность еще в XIX в. указал Н.Я. Марр³.

Ввиду всего этого и ряда других обстоятельств создание словаря личных имен того или иного народа – труд, который, скорее всего, может оказаться незавершенным при жизни его составителя. Даже уникальный в этом плане многотомный и завершенный «Словарь армянских личных имен» Гр. Ачаряна ограничен именами из литературных памятников армян V–XVIII вв.

Такой словарь может быть только разноплановым – собственно лингвистическим, основанным на этимологии каждого из словарных имен, и историко-этнографическим, основанным на соотношении истории имен с исторической реальностью, с историческим прошлым народов, имена которых исследуются, а также при необходимости могут включать генеалогии их непосредственных носителей. В исследованиях антропонимов, как непререкаемых элементов языка, говоря словами В.И. Абаева, задачи антропонимиста «смыкаются с задачами историка и археолога, которыми движет та же неистребимая страсть воссоздать прошлое»⁴.

Особое место в исторической антропонимии имеет процесс онимизации – перехода имени нарицательного в имя собственное⁵. В истории Грузии – это уже упомянутое прозвище *Лаиша*, ставшее личным именем и свидетельствующее о непрекращавшейся христианизации языческих племен средневекового Грузинского царства. К этому же типу онимизации относится и чисто грузинское слово-прозвище *Шалва* – «смущать», «будоражить» (семантически близкое древнерусскому *Вадим*), данное ахалцихскому владетелю и полководцу *Шалва Ахалцихели* в период правления царицы *Тамар* (1189–1207?)⁶. Наричательное имя в любом случае является дополнением к характеристике его носителя, и процесс его онимизации требует специального исследовательского подхода.

Ниже мы приводим историю нескольких грузинских антропонимов в контексте антропонимического репертуара преимущественно народов Северного Кавказа.

Ачба-Анчабадзе-Мачабели – аристократические фамилии средневековой Абхазии и Грузии. Генеалогическое родство и этимологическую общность этих фамилий отмечал еще *Вахушти Багратиони* (первая половина XVIII в.). Перечисляя знатные роды своего и предшествующего времени, он, в частности, писал: «(Род) *Мачабели* настаивает на своем *Анчапидзестве* (принадлежности к роду *Анчапидзе-Анчабадзе*) и приходе из Абхазии, однако они (*Мачабели*. – *Г.Ц.*) новы»⁷. В другом месте своего сочинения он дополняет: называет *Анчападзе* меньшим владетелем абхазов (по сравнению с другим «самоличным» владетелем *Шервашидзе*)⁸.

Все эти фамилии (антропонимы) восходят к форме – *Ачба*, которую *Вахушти Багратиони* озвучивает на грузинский манер – *Анча*. *Ачба* – это один из древних родов Абхазии, генеалогически уходящий, возможно, за несколько веков до монгольских завоеваний в Закавказье.

В «Летописи Картли» упоминается полководец грузинского царя *Баграта IV* (1027–1072) *Дотагод Чачас-дзе*, боровшийся за возвращение Грузинскому царству отторженной от него пользы Византии *Анакопийской области* (северная Абхазия)⁹. Личное имя полководца – *Дотагод* – на абазинском языке означает «жребий»¹⁰, что должно указывать на политический статус его носителя, не являющийся наследственным. В родовом же имени *Чачас-дзе* обычно видят основу второй фамилии владетелей Абхазии *Шервашидзе* – *Чачба-Ачачба*. Но в действительности между этими фамилиями не может быть ни этимологической, ни генеалогической связи. Существует историческое предание, согласно которому род *Шервашидзе* в период правления *Давида IV Строителя* (1189–1225), когда его представители становились наместниками Абхазии, *Шервашидзе* связан с владетелями *Ширвана* – *Ширваншахами*, генеологи-

чески ничего общего не имеющими с родом Дотагода Чачас-дзе¹¹. Судя по словам историка царя Давида, который повествовал о его мероприятиях по «наведению порядка» в Грузинском царстве, Давид «вступил в Абхазию до самой Бичвинты (Пицунды. – Г.Ц.) и обустроил дела тамошние: над достойными милостей смилостивился, а прегрешивших – прибрал и наставлял»¹².

Чачас-дзе был замещен одним из отпрысков Ширван-шаха, более лояльным к центральной власти Грузинского царства; произошло это без кровопролития¹³. Но какие-то намеки на противоречия имеются уже в приведенном выше источнике («над достойными милостей – смилостивился, а прегрешивших прибрал и наставлял»). Данное обстоятельство эхом отзывается и в исторической абхазской поговорке, поныне звучащей в Абхазии: «Прежде чем упомянешь Чачба, упомяни Ачба». Это свидетельствует об изначальном превосходстве рода Ачба над Шервашидзе, присвоившими себе фамилию их исторических предшественников – потомков Дотагода Чачас-дзе (аналогичные факты в истории народов Кавказа нередки).

Если следовать исторической логике и пользоваться историческими догадками, то отстраненные от владетельной власти предки Анчба-Ачба, будучи не репрессированы, а по-царски «наставляемы», должны были все-таки удовлетворить свои феодальные амбиции. Не в связи ли с этим какая-то их ветвь получила в качестве владения ущелье р. Лиавхи, к которому и прикрепилось название Ачабетис-хеви? Именно такое название известно по явной поздней интерполяции в раннесредневековой Армянской Географии, в которой Ачабетис-хев упомянуто в разделе об Иберии-Картли (армянск. *Wirkh*)¹⁴. Ядро же Армянской Географии было создано в VII в., когда Ачабетис-хев естественно, не мог существовать.

Впоследствии фамилия Ачба приняла грузинскую форму Анчачисдзе – Анчабадзе, к которой не без основания возводили себя Мачабели, по словам Вахушти Багратиони, «новые» в сравнении с Ачба-Анчачисдзе. Хронологически это могло произойти не позднее XV в.

Со временем в связи с консолидацией абхазского этноса в послемонгольскую эпоху за счет переселения некоторой его части из горной зоны в более развитые низменные, прибрежные области Абхазии, происходит, хотя и не повсеместно, возврат абхазских феодальных фамилий к исконным своим формам, и часть Анчабадзе вновь становятся Ачба¹⁵.

Ныне фамилия Анчабадзе (но не Ачба!) известна и у абхазов, и у грузин.

Лемонджава – одна из распространенных в Западной Грузии мегрельских фамилий. В своем труде о колхских именах и фамилиях Н. Джомидава дает фантастическое объяснение данному антропониму, связывая его с ...«лимоном» и мегрельским словом *джа* – «дерево», в итоге Лемонджава – «Лимонное дерево»!¹⁶

В действительности появление в основе некартвельского антропонима Лемонджава восходит к послемонгольскому периоду истории Грузии и связано непосредственно с антропонимией осетин: в данном случае с несохранившимся в осетинской среде женским именем *Лимачав*. Вот как говорится об этом в анонимном грузинском «Хронографе», написанном в первых десятилетиях XIV в.: «В эту пору ушли от казна Берка беглецы, (среди них) женщина дивная по имени Лимачав. Она привела с собой детей (своих) малых, родом Ахсарфаканиани, первенца Фареджана и младшего Бака-тара и множество прочих главарей (тавадов), прошли Врата Дарубандские и пришли к царю же (грузинскому. – Г.Ц.). Он же почетно их приветил и отправил их к казну Уло и каэн приветил их весьма и назначил им плату и определил их воинами и соратниками. И таким образом отправил их к царю же (грузинскому), а царь посадил некоторых из них в Дманиси, а прочих в Жинване»¹⁷.

Примечательно, что грузинский аноним фиксирует родовое имя Лимачав – Ахсарфаканиани, естественно, в искаженной форме. Эту фамилию носят нарты осетинского эпоса, согласно которому нарты делятся на три фамилии: Ахсартагата, Бората и Алагата¹⁸. Судя по грузинскому «Хронографу», Лимачав относилась к первой из них.

Ученые, в частности, М.К. Андроникашвили, переводят имя Лимадав с осетинского как «любовная, изящная походка»¹⁹. Переход иноязычного *и* в картвельское *е* – Лимадав – Лемонджава – в грузинском обычное явление: ср. Владимир – груз. Владимир. Действительно, корень данного антропонима Лимадав В.И. Абаев переводит как «друг», «приятель», «любовник», «любовница»²⁰.

Но была ли эта знатная осетинка Лимадав родоначальницей мегрельской фамилии Лемонджава? В этом можно сомневаться. Перед нами, скорее всего, один из моментов осетино-западногрузинских этноязыковых взаимоотношений, которые не прерываются, начиная со средневековья.

Саджаиа (в русском написании *Саджая*) – одна из широко распространенных в Мегрелии фамилий. Для ее объяснения можно привести некоторые исключаяющие друг друга данные: согласно С.С. Орбелиани (рубеж XVII–XVIII вв.) – «*саджи*» – «негниющее дерево»²¹. Н. Джомидав, ссылаясь на современный «Толковый словарь грузинского языка», предполагает, что основу указанной фамилии составляет слово *садж-и* – «емкость для выпечки хлеба», но тут же допускает вероятность этнонимического происхождения фамилии, в частности, от названия народа *садзы*²², населявшего приморскую часть северо-западного перешейка Главного Кавказского хребта²³, что не лишено смысла ввиду частых сношений (как военных, так и мирных) абхазско-мегрельского населения с племенами указанного субрегиона Западного Кавказа²⁴.

Онимизация этнонима – явление частое у различных народов, в том числе (а может быть – особенно) у христианских народов Кавказа. Ср.: аналогичное явление у современных абхазов: *Агрба* – от *агруа* – «мегрел», Акиртава (Акыртаа) – от *акыртва* – «грузин». А также картвельские (мегрельские) фамилии этнонимического происхождения: *Апшилава* – от названия древнеабхазского племени апсилы (апшилы) и совершенно прозрачное *Анхазава*.

Стуруа. Н. Джомидав предполагает, что в основе этой фамилии лежит родовое имя Стуру²⁵. В действительности дело, вероятно, обстоит иначе. Основа родового имени-фамилии – Стуруа уводит нас за пределы собственно Грузии и связана непосредственно с осетинским словом, возможно, в его дигорском варианте *æstucsh* – «большой», «великий» и т.п. Убедительная этимология этого слова, доведенная до общеевропейского уровня, дана В.И. Абаевым²⁶.

Фамилию *Тускиа* Н. Джомидав²⁷ связывает с грузинским словом *тусва*, что по словарю С.С. Орбелиани значит «опалить волосы»²⁸ (в мегрельском *туцаа* – применительно к тушам животных). Однако историко-лингвистические материалы свидетельствуют об ином происхождении данного родового имени.

Как свидетельствуют материалы, грузинские фамилии Тускиа, Тускадзе непосредственно связаны с северокавказским миром, в частности, осетинским, в котором слово *tusk'a* означает «кабан» и, согласно исследованиям В.И. Абаева, восходит к скифо-германским изоглоссам. Ученый дает исчерпывающую этимологию этого слова. По его наблюдениям, собственно осетинским названием кабана было *waraz*, сохранившееся лишь в личных именах эпических героев, слово же *tusk'a* заменило его, очевидно, под влиянием табу в связи с культом кабана²⁹.

В отличие от фамилии Стуруа, основа которой в антропонимии осетин ныне неизвестна, слово туска лежит в корне родового имени осетин *Тускатае*. Можно думать, что к представителям именно этой фамилии восходит род Тускиа-Тускадзе. Более подробно и надежно об этих фамильных миграциях можно было бы судить по материалам генеалогии их носителей, которыми мы, к сожалению, не располагаем³⁰.

Мы привели несколько наиболее прозрачных осетинских элементов в антропонимии грузин. Количество их, безусловно, можно увеличить при условии дальнейшего изучения соответствующих материалов.

Но процессы этнокультурных взаимоотношений исключают односторонность уже по своему определению. К сожалению, с этой реальностью не так уж часто считаются современные исследователи, желая выставить ложно понимаемую «престижность»

своего народа. Дилетантизм таких «установок» вполне очевиден и потому на нем нет смысла останавливаться.

Исторические материалы свидетельствуют о наличии в осетинском антропонимическом репертуаре целого ряда картвельских элементов. В сравнительно недавно вышедшей монографии Р. Топчишвили, посвященной истории переселения предков современных осетин в Грузию, имеется специальный раздел, относящийся к нашей проблематике³¹. Выводы автора вполне заслуживают внимания, хотя они порой и не безупречны. Так, например, в интерпретации грузинской фамилии *Хамицашвили* автором допущена ошибка: он говорит, ссылаясь на сомнительное мнение некоторых исследователей, о мегрельском ее происхождении. С мегрельско-чанским языковым миром основа данного антропонима не имеет ничего общего. Эта основа – *Хамиц* – имя одного из героев осетинского Нартовского эпоса и встречается также в иных версиях данного северокавказского эпоса (балкарской, кабардинской, ингушской). В.И. Абаев установил, что имя Хамиц в осетинский эпос проникло из монгольского языка, хотя на монгольском оно не этимологизируется, и тем не менее, по мнению В.И. Абаева, его можно «рассматривать как один из интересных памятников старых осетинско-монгольских отношений»³². Что же касается путей его проникновения в грузинскую антропонимию, то они могут быть не обязательно связаны с осетинским миром: данное эпическое имя, как уже сказано, существовало и у других народов Северного Кавказа, влияние которых на именной репертуар грузин также весьма значительно.

Вместе с тем Р. Топчишвили приводит немало убедительных, по нашему мнению, фактов миграции основ картвельской антропонимии в осетинскую. Из наиболее ярких примеров на этот счет отметим следующие.

Мегрельское имя *Дуда*, что значит «Голова» (в престижном смысле) известно еще по письменным источникам XIII в. По словам нашего информатора В.Р. Гуледани (родом свана), это имя довольно распространено среди сванов. К данному имени должна восходить мегрельская фамилия *Дудучава*, что значит «черноголовый»³³. Корень данного антропонима, пишет Р. Топчишвили, лежит в основе осетинской фамилии *Дудаев*, распространенной, впрочем, отнюдь не только среди осетин. Заимствованный ими из сванского антропонимический элемент «Дуда» мог распространиться и среди других народов Северного Кавказа. От них он в свою очередь проник к восточным грузинам и лег в основу распространенной среди кахетинцев фамилии *Додашвили*.

Корсава – мегрельская фамилия, этимологию которой Н. Джомидава считает невыясненной³⁴. Вариант этой фамилии – *Корсая* (*Корзая*) – этнически раздвоен и встречается как у мегрелов, так и у абхазов. Этимология данного антропонима в картвельском этноязыковом кругу не обнаруживается, но может найти свое объяснение в скифо-аланско-осетинском языковом мире. Так, в античных надписях из Горгииппии и Ольвии встречается слово *карса*, соответствующее, по убедительному предположению В.И. Абаева, осетинскому *карза* в значении «резкий» «строгий»³⁵. К этому корню должны восходить, с одной стороны, мегрельская фамилия *Корсава-Корзая* (переход иноязычного *a* в *o* в мегрельском закономерен), а с другой – осетинская *Карсанов*.

В собственно Двалети в горных районах Юго-Осетии по документам XIX в. Р. Топчишвили обнаружил имя *Цулука*, что представляет грузинскую ласкательную форму со значением «малышка», «малышок» и лежит в основе таких грузинских фамилий как *Цулукидзе*, *Цулукиани* и т.п.

Осетинскую фамилию *Табуев* (груз. вариант *Табуашвили*) Р. Топчишвили закономерно возводит к старогрузинскому имени *Табу* и предположительно считает его двальским по происхождению, хотя непоследовательно относит это имя к собственно картвельским. Письменные источники грузин сохранили сведения о грузинском книжнике второй половины XIV в. – начала XV в. Георгии Табаури, подвизавшемся в монастыре Ларгвиси³⁶ (усыпальница ксанских эриставов, сохранилась вплоть до начала XIX в.). Кроме того, наличие данного антропонима, принявшего осетинскую

форму, в среде ксанских феодалов должно косвенным образом свидетельствовать о месте обособившихся двалов в истории Ксанского эриставства, одного из очагов средневековой грузинской государственности и культуры. Обособившиеся двалы в свою очередь подверглись полной аккумуляции грузинами (в частности, картлийцами). Написанная ими история ксанских эриставов дошла до нас в неполном объеме³⁷. Ее автор – грузин, судя по генеалогии, был обособившимся двалом. Именно сведения о взаимоотношениях Восточной Грузии «с горскими племенами, главным образом двалами» и содержит этот памятник средневековой грузинской литературы³⁸.

Но суть вопроса о лингвистическом характере основы имени Табу в данном случае заключается в том, что она не только не двальская (какой бы язык под «двальским» ни подразумевать), но вообще не кавказская. По-осетински *mhabu* – «молитвенное обращение к божествам», «славословие», «поклонение». Оно представляет собой «одно из многочисленных тюркских заимствований в осетинском» и наличествует в ряде кавказских, в частности, абхазо-адыгских языков как заимствование тюркского элемента³⁹. Что же касается фамилии средневекового грузинского книжника Георгия Табаури, то она может свидетельствовать, во-первых о верхней границе времени заимствования в осетинский язык тюркской культурной лексики; во-вторых, о двальской генеалогии Георгия, но не о культурной характеристике этой личности. В круг грузинской антропонимии фамилия Табаури могла проникнуть *via* Ossetica. Это был типичный для средневековья процесс перелива одного общества в другое в контактных зонах различных этносов. В таких случаях «победу» одерживало то общество, которое в культурно-социальном отношении оказывалось на более высоком уровне.

К этому же типу грузинских антропонимов, причисляемых Р. Топчишвили к собственно картвельским, относится грузинская фамилия *Маргиани*, особенно распространенная в Сванети. Корень данного родового имени *марг* интерпретируется на основе осетинского языка и прослеживается вплоть до аланской эпохи: осет. марг – «яд». В.И. Абаев приводит обширные связи этого слова с иранскими языками и обнаруживает первоначальное значение слова в аланском – «смерть»⁴⁰. Примечательно, что в тушинском говоре грузинского языка *марг(и)* называли особую разновидность «заболевания коз»⁴¹.

Пути перехода антропонимов из одного этноса в другой действительно неисповедимы. На Кавказе это особенно касается христианских народов, в то время как у мусульман почти полностью денационализирована местная домусульманская антропонимия.

Перемещение имен от одного этноса к другому на ранних этапах общественного развития должно было проходить по следам взаимных этнических инфильтраций и является их свидетельством. Поэтому значение исторической антропонимии в известной степени сравнимо с показаниями письменных источников.

В цитируемом сочинении Н. Джомидова зафиксирована мегрельская фамилия *Циминтия*, этимология которой, по его мнению, не установлена⁴². В действительности не должно быть сомнения, что названная фамилия каким-то образом связана с названием большой деревни Цимити в Северной Осетии (появление промежуточного *n* – типично для мегрельского эпентеза). Она, конечно, должна свидетельствовать о переселении какой-то части осетин из этой местности в Мегрелию. Образование фамилий мигрантов на основе топонимов места своего исхода – явление редкое.

Естественно, что осетино-грузинские этнические инфильтрации были обоюдными. К сожалению, осетинские антропонимы картвельского происхождения практически не исследованы. Работа велась и ведется односторонне, в плане изучения грузинских антропонимов осетинского происхождения. Всякая же односторонность, особенно в работах на исторические темы, чревата отсутствием полноты и объективности. Такая ограниченность обедняет историю обоих народов.

Кочиев – фамилия широко распространенная среди осетин Грузии (особенно Южной Осетии). Р. Топчишвили вполне правомерно возводит ее к мегрельскому слову-имени *Кочи* – «Человек», что в мегрельском именованье, как замечает автор, опираясь на средневековые грузинские источники, имело престижное звучание⁴³. В осетинской среде есть также форма этой фамилии – *Кацте*, которая восходит к собственно грузинскому *каци* – «человек»; ср. мегрельскую фамилию того же корня и значения *Каца*.

В наше время едва ли не всеобщего и взаимного культурно-политического неприятия в кругу народов Кавказа такие сюжеты не только не популярны, но и способны вызвать дополнительные импульсы этнической конфронтации. Однако из истории фактов не выкинешь, антропонимические исследования должны опираться на генеалогию.

Цховребов – осетинская фамилия, звучащая исключительно по-грузински. Основа – *цховреба* – «жизнь» – картвельское слово, восходящее к грузино-занскому периоду (середина II тысячелетия до н.э.)⁴⁴. Фамилия *Цховребов* соответствует ее оригинальным формам – *Цховребашвили*, *Цховребадзе* (ср. русск. Жизнев). Искаженный осетинский вид данной фамилии *Цхурбаев* в последнее время подвергся дальнейшей модификации.

В предлагаемых заметках приведена лишь малая толика пока еще неразработанного материала. Ныне все более назревает необходимость создания толковых словарей имен и фамилий каждого народа Кавказа в отдельности. Уже априори можно утверждать, что в процессе и итоге создания таких словарей прояснится немало до сих пор туманных вопросов по части этнической истории каждого из исследуемых народов. Но такая работа по силам лишь коллективам высококвалифицированных профессионалов в различных областях гуманитарных наук. Опыт Гр. Ачаряна уникален и таковым, по всей видимости, он останется надолго.

Примечания

¹ Никонов В.А. Имя и общество. М., 1974. С. 26.

² Марр Н.Я. «Мудрость Балавара», грузинская версия «Душеполезной истории о Варлааме и Иоасафе» // Зап. Вост. отд. Русского археологического общества. Т. III. СПб., 1889. С. 225.

³ Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М., 1978. С. 31.

⁴ Абаев В.И. Труды. Т. II. Владикавказ, 1995. С. 197.

⁵ О методах исследования нарицательных имен см.: Салтман В.Э. Ономастическая лексикография. М., 1989. С. 17.

⁶ Сулая Г.В. Из истории грузинской антропонимии. Сов. этнография. 1991. № 3.

⁷ Вахушти Багратиони. История Грузии. Изд. Каухчишвили С.Г. Тбилиси, 1973. С. 34. (на груз. яз.).

⁸ Там же. С. 36.

⁹ Летопись Картли / Пер., введ. и примеч. Г.В. Сулая. Тбилиси, 1982.

¹⁰ См.: Джанашиа С.Н. Труды. Т. IV. Тбилиси, 1968. С. 20 и др. (на груз. яз.).

¹¹ Гулия Д.И. История Абхазии. Тифлис, 1925. С. 208.

¹² Картлис Цховреба (История Грузии). Т. I. Изд. С.Г. Каухчишвили. Тбилиси, 1955. С. 338–339 (на древнегруз. яз.).

¹³ Сулая Г.В. Абхазия и абхазы в контексте истории Грузии. М., 1995.

¹⁴ Еремян С.Т. Армения по «Ашхарацуйц»-у. Ереван, 1963. С. 104 (на арм. яз.).

¹⁵ Бердзенишвили Н.А. Вопросы истории Грузии. Т. VIII. Тбилиси, 1975. С. 611–612 (на груз. яз.).

Процессу наплыва горцев (не только из Абхазии) в равнинные субрегионы Восточного Причерноморья, а так же роли этого явления в истории собирания грузинских земель и образования объединенного Грузинского царства в эпоху борьбы с арабскими завоевателями (VIII–IX вв.) посвящена специальная работа такого знатока древней и средневековой истории Кавказа как Г.А. Меликишвили см.: Меликишвили Г.А. Политическое объединение феодальной Грузии и некоторые вопросы феодальных отношений в Грузии. Тбилиси, 1973 (на груз. и рус. яз.). А также: Летопись Картли.

¹⁶ Джомидова Н. Колхские фамилии. Тбилиси, 1996. С. 106–107 (на груз. яз.).

¹⁷ Картлис Цховреба (История Грузии). Т. II. Изд. С.Г. Каухчишвили. Тбилиси, 1959. С. 251 (на древнегруз. яз.).

- ¹⁸ *Абаев В.И.* Труды. Т. I. Владикавказ, 1990. С. 158.
- ¹⁹ *Андроникашвили М.К.* Очерки по иранско-грузинским языковым взаимоотношениям. I. Тбилиси, 1966. С. 133–134 (на груз. яз.).
- ²⁰ *Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка (далее – ИЭСОЯ). Т. II. Л., 1973. С. 55–56.
- ²¹ *Орбелиани С.С.* Словарь грузинского языка // Орбелиани С.С. Соч. Т. 4. Ч. 2. Тбилиси, 1966. С. 82 (на груз. яз.).
- ²² *Джомидава Н.* Указ. раб. С. 135.
- ²³ О них см.: *Инал-ипа Ш.Д.* Садзы. М., 1995.
- ²⁴ *Анчабадзе З.В.* Из истории средневековой Абхазии. Сухуми, 1959. С. 258–280.
- ²⁵ *Джомидава Н.* Указ. раб. С. 137.
- ²⁶ *Абаев В.И.* ИЭСОЯ. Т. III. Л., 1979. С. 158–159; *его же.* Осетинский язык и фольклор. I. М.; Л., 1949. С. 183.
- ²⁷ *Джомидава Н.* Указ. раб. С. 140.
- ²⁸ *Орбелиани С.С.* Указ. раб. С. 146.
- ²⁹ *Абаев В.И.* ИЭСОЯ. Т. III. С. 320–321.
- ³⁰ См.: *Андроникашвили М.К.* Указ. раб. С. 141.
- ³¹ *Топчшвили Р.* Вопросы переселения в Грузию осетин и этноистории Шида Картли. Тбилиси, 1997 (на груз. яз.).
- ³² *Абаев В.И.* Труды. Т. I. С. 247–248.
- ³³ *Топчшвили Р.* Указ. раб. С. 30; *Джомидава Н.* Указ. раб. С. 71.
- ³⁴ *Джомидава Н.* Указ. раб. С. 99.
- ³⁵ *Абаев В.И.* Осетинский язык и фольклор. I. С. 170–171; *его же.* ИЭСОЯ. Т. I. М., 1958. С. 572–573.
- ³⁶ Очерки истории Грузии. Т. III. Тбилиси, 1979. С. 821–822 (на груз. яз.).
- ³⁷ Памятник эриставов / Пер., исслед. и примеч. С.С. Какабадзе. Тбилиси, 1979.
- ³⁸ Там же. С. 10 (Предисл.).
- ³⁹ *Абаев В.И.* ИЭСОЯ. Т. III. С. 218–219.
- ⁴⁰ *Абаев В.И.* ИЭСОЯ. Т. II. С. 72–73.
- ⁴¹ Словарь грузинских народных говоров. Т. I. Сост. А.А. Глonti. Тбилиси, 1974. С. 344.
- ⁴² *Джомидава Н.* Указ. раб. С. 177.
- ⁴³ *Топчшвили Р.* Указ. раб. С. 28.
- ⁴⁴ *Климов Г.А.* Этимологический словарь картвельских языков. М., 1964. С. 232.

G.V. T s u l a y a. Anthroponymic Notes (based on the data from the Caucasus)

A number of Caucasian (Georgian, Ossetian, Abkhaz) anthroponyms are analyzed and their historical etymologies and links with other linguistic families (Mongol and Turkic and others) are outlined. The anthroponyms are ethnohistorically interpreted. The borrowing of anthroponyms from other peoples, including borrowing of ethnonyms and nicknames, testifies to long-term peaceful relations among the Caucasus peoples, as the names are usually not borrowed from the enemies.